

Чистяков Михаил Борисович

**Рассказы из путешествий по
Австралии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
М69

М69 **Михаил Борисович Ч.**
Рассказы из путешествий по Австралии / Чистяков Михаил Борисович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 461 с.

ISBN 978-5-521-30367-0

ISBN 978-5-521-30367-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

въ видѣ шелковистаго мха, то въ видѣ звѣздъ, то въ видѣ нитей, многочисленныя водяныя растенія, блестящія самыми чистыми, яркими красками, на которыя солнце перевело всѣ свои радужныя цвѣта. Вокругъ нихъ стоятъ, снуютъ, прыгаютъ, иногда выскакиваютъ изъ воды стаи рыбъ, сверкающія чешуею, въ которой съ безчисленными и тончайшими переливами соединены всевозможныя цвѣта металловъ и растеній. Въ глазахъ рябитъ отъ этой пестроты: будто миллионы разноцвѣтныхъ стеколъ и зеркалъ, изрѣзанныхъ въ самыя странныя формы, брошены въ воду, колышутся прозрачными волнами, дробятъ и отражаютъ лучи солнца и отбрасываютъ свое отраженіе другъ на друга. Этого не уловишь не только кистью, но даже глазомъ.

Днемъ самая разнообразность предметовъ рѣзко отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга, и солнечный свѣтъ даетъ опредѣленность и положительность ихъ формамъ; а ночью — совершенное волшебство: въ далекой вышинѣ прозрачнѣйшаго неба торжественнымъ свѣтомъ горятъ съ равномерною полнотою безчисленныя звѣзды, и чѣмъ дальше смотришь, тѣмъ больше видишь ихъ, какъ будто изъ-за свѣтилъ, съ перваго раза представившихся, выкатываются все новыя и новыя; взглянешь на море — оно все въ огнѣ; брызги отъ плесканья, рыбы, или весла сверкаютъ искрами; каждую минуту думаешь, что лодку охватитъ пламенемъ: это — несмѣтные рои моллюсковъ издають фосфорическій свѣтъ. Сколько же ихъ должно быть въ каждой каплѣ, чтобы она такъ блестѣла!

На землѣ каждая травка, каждый листъ, точно униза-

ны драгоценными камнями; а когда повѣтъ вѣтеръ и заколышется сучья и стебли,—предъ вами будто опять волнующееся море свѣта, только съ сіяніемъ, еще болѣе нѣжнымъ: это—рой блестящихъ насѣкомыхъ, свѣтляковъ.

Во время пребыванія моего въ Бразиліи, я иногда заходилъ въ глубь ея роскошныхъ лѣсовъ и наслаждался пустынною ея первобытной природы. Тогда я думалъ, что мѣстъ уединеннѣе тамошнихъ нигдѣ нельзя найти, но на Базилянѣ я почувствовалъ, что Бразилія—ужь край людной, обработанный; тамъ, хотя и въ лѣсу, какъ-то чувствуешь присутствіе человѣка; и звѣри его чувтъ; они дичатся васъ; они ужь напуганы людьми и болятся ихъ; а здѣсь все—глушь нетронутая; тутъ, пожалуй, бродя цѣлую недѣлю, не найдешь ни тропинки, ни слѣда, и если увидишь гдѣ помятую траву, то не узнаешь, человѣкъ ли это прошелъ, или звѣрь, или вѣтромъ погнуло гибкіе стебли. Даже птицы, которыя вообще, какъ слабѣйшія животныя, робче и осторожнѣе другихъ, нисколько не пугаются, когда къ нимъ подходишь; нѣкоторыхъ можно-бы ловить руками.

Лѣсъ, какъ ботаническій садъ, состоитъ изъ деревьевъ, которыя мы считаемъ рѣдкостью и знаемъ только по-наслышкѣ; кокосовыя, многихъ родовъ, пальмовыя, хлѣбныя, мускатныя и разныя другія деревья, обремененныя плодами, такъ и протягиваютъ къ человѣку свои толстыя сучья: только рви и ѣшь; а если-бы еще употребить хоть небольшой трудъ, то все это можно бы усовершенствовать и пріобрѣтать богатство самыми мирными и честными сред-

ствами. Но, кажется, безъ нужды человекъ не примется за трудъ.

Животныхъ разныхъ породъ также видимо-невидимо— кабановъ (дикихъ свиней), лосей, куропатокъ, куръ и всякихъ птицъ. Для европейца, привыкшаго видѣть куръ только на птичныхъ дворахъ, очень странно встрѣчать ихъ въ лѣсу, въ дикомъ состояніи. Онѣ бродятъ также большими стадами и каждое стадо подъ надзоромъ и защитою одного пѣтуха. Лѣсные пѣтухи очень красивы: блестящія перья, огненный взглядъ, большой красный гребень, какъ колпакъ, свѣшивающійся на сторону, огромныя шпоры, хвостъ, раскидывающійся густымъ пучкомъ косицъ, походка твердая и бодрая даютъ ему очень щегольской и молодецкаты видъ. Чувствуя силу своихъ крыльевъ, ногъ и особенно силу клюва, онъ каждую минуту готовъ на драку и дерется отчаянно. Одинъ изъ этихъ удалцовъ попался намъ на обѣдъ, но мы тоже его не одолѣли: онъ остался несокрушимымъ ни для какихъ, даже матросскихъ зубовъ.

Есть тамъ еще одна очень замѣчательная птица: это калао (салао), или малабарскій носорогъ. На головѣ у него что-то въ родѣ большой шапки и носъ огромный, неслышно размѣрной съ величиною его тѣла. Шапка не тяготитъ его; а носъ, кажется, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ своему назначенію, потому что клевать имъ прямо и скоро нѣтъ ни малѣйшей возможности: схвативъ добычу, калао долженъ подбросить ее вверхъ и потомъ уже ловить на лету. Правда, онъ дѣлаетъ это съ большимъ искусствомъ

и почти никогда не промахивается, особенно когда голоденъ. Китайцы, живущіе на Филиппинскихъ островахъ, употребляли носъ калао на кисеты для табаку, или на выдѣлку маленькихъ монетокъ. По этой именно причинѣ калао за свой носъ очень уважается китайцами.

Но на Базилянѣ водятся не только такія животныя, которыхъ ѣсть человѣкъ, но и такія, которыя ѣдятъ человѣка. Тамъ почти въ каждой рѣчкѣ водятся крокодилы. Соскучившись въ тѣсныхъ берегахъ, они очень часто отправляются въ море ловить рыбу и звѣрей. Иногда, должно быть, выберутся они большой ватагой, потому что поднимутъ такую возню и шумъ, что кругомъ заходятъ волны. Матросы пробовали убить хотя одного изъ нихъ, но все понапрасну.

Жители Базиляна—малайцы. Судя потому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на немъ мы увидѣли обширныя плантаціи (обработанныя поля) рису и хлопчатой бумаги, можно было почестъ ихъ народомъ мирнымъ: земледѣліе вообще располагаетъ къ чувствамъ кроткимъ. Но они никогда не выпускаютъ изъ рукъ копій и мечей, и среди очаровательной зелени, вездѣ, гдѣ только показывался человѣкъ, сверкало ненавистнымъ блескомъ губительное желѣзо, а это не предвѣщало добра. Наружность ихъ еще болѣе подтверждала это опасеніе: въ чертахъ лица ихъ выражается дерзость, кровожадность и хитрость; глаза ихъ такъ и впиваются въ васъ; малаецъ при первомъ взглядѣ, кажется, высматриваетъ, какъ удобнѣе убить и обобратить васъ. Они ходятъ почти безъ одежды: нижнее платье, на-

чинаясь у пояса, оканчивается выше колѣнъ; а верхняго и совсѣмъ нѣтъ; на головахъ они носятъ красные платки яркаго цвѣта. Такой костюмъ увеличиваетъ суровость ихъ фizioноміи.

Вскорѣ печальныя происшествія доказали, что безъ образованія и христіанской любви, и среди довольства, и среди самой прекрасной природы, нѣтъ счастья для человѣка.

Я поѣхалъ путешествовать на французскомъ кораблѣ, который, по повелѣнію короля Лудовика-Филиппа, отправлялся въ Малайскій Архипелагъ (море, на которомъ — много острововъ). Капитанъ корабля говорилъ, что ему поручено только собирать географическія свѣденія о новыхъ, мало извѣстныхъ, или совсѣмъ неизвѣстныхъ странахъ. Я занимался естественными науками (науками о природѣ), и мнѣ было чрезвычайно пріятно думать, что мы ѣдемъ насладиться зрѣлищемъ никогда до тѣхъ поръ невиданныхъ предметовъ, изучать ихъ, сблизиться съ племенами отдаленнѣйшихъ краевъ міра, можетъ быть, положить между ними начала лучшихъ посплтіи и чувствъ и пробудить любовь къ образованію. Когда мы были уже на Базилянѣ, то употребляли всѣ средства, чтобы расположить малайцевъ въ свою пользу и оставить воспоминаніе о бѣлыхъ людяхъ, какъ о братьяхъ, которые пріѣзжали погостить у нихъ, поработать съ ними на поляхъ, поохотиться за звѣрьми, поговорить о томъ, какъ лучше обрабатывать землю и сберегать плоды, послушать ихъ пѣсенъ и полюбоваться ихъ играми.

Малайцы показывали къ намъ большую недовѣрчивость;

но мы надѣялись побѣдить ее кротостію и честностію. Одинъ молодой офицеръ, пылкій по лѣтамъ и по сердцу, надѣясь подѣйствовать на дикарей силою прѣмого, искренняго чувства, вымолилъ у капитана позволеніе отправиться во внутренность острова. Ему было позволено взять на шлюпку двухъ юнговъ (маленькихъ матросовъ) и одного рулеваго. Они вѣхали въ устьѣ одной рѣки и стали пробираться вверхъ между множествомъ деревъ, попадавшихъ въ воду и наклонившихся, противъ теченія. Малайцы во множествѣ пристали къ нимъ на своихъ маленькихъ лодочкахъ и хотѣли лѣзть въ шлюпку; но офицеръ взялъ только двухъ изъ нихъ. Эти двое внушали къ себѣ больше другихъ довѣрія.

Одинъ изъ нихъ былъ молодой человѣкъ; другой старикъ лѣтъ пятидесяти; въ усахъ его ужъ было много сѣдины. Они оба отличались нѣкоторымъ благородствомъ въ выраженіи лица и тою небрежною развязностью въ манерахъ, которая пріобрѣтается отъ привычки повелѣвать и чувствовать надъ другими свое превосходство. Молодой офицеръ былъ въ восторгѣ, что свелъ съ ними знакомство и дружбу, черезъ нихъ будетъ въ состояніи дѣйствовать на ихъ соотечественниковъ. Мечты одна другой прекраснѣе тѣснились въ его воображеніи, и онъ уже представлялъ, какимъ счастливымъ уголкомъ въ мірѣ будетъ Базиланъ, если среди богатой его природы будутъ современемъ жить люди мирные, мыслящіе, образованные, которые украсятъ жизнь свою науками и искусствами. У него съ малайцами завязался разговоръ:

— Что? ты начальникъ этого острова? спросилъ онъ старика.

— Нѣтъ: вотъ этотъ молодой человѣкъ зять начальника.

— Много у васъ воиновъ?

— Много; но оружія мало; у однихъ европейцевъ оружія столько, сколько имъ угодно. Они могутъ сражаться, когда имъ вздумается!

— Однакожь вотъ у тебя и у твоего товарища прекрасные мечи.

— Нѣтъ, куда! они совсѣмъ не такъ хороши, какъ твой ножъ.

Тутъ старикъ съ особеннымъ чувствомъ ударилъ по шпагѣ офицера.

— А вотъ у меня есть ружье, такъ оно еще лучше моего ножа.

— Покажи мнѣ его.

Офицеръ вынулъ ружье изъ чехла, нѣсколько разъ взводилъ и спускалъ его и далъ посмотрѣть малайцу. Малаецъ разсмотрѣлъ его съ особеннымъ вниманіемъ, повертывалъ, вскидывалъ то такъ, то этакъ, глаза у него разгорѣлись, и онъ вскрикнулъ съ выраженіемъ самаго нетерпѣливаго желанія:

— Подари мнѣ свое ружье.

— Нѣтъ! Кто-жь его подарить? Оно дорого стоитъ.

— Подари мнѣ свое ружье, и я сдѣлаю для тебя все, что угодно.

— Ни за что не отдамъ!

— Подари, пожалуйста, сказалъ малаецъ въ третій разъ умоляющимъ, жалобнымъ голосомъ.

Офицеръ, не отвѣчая ни слова, взялъ у него ружье изъ рукъ и положилъ въ чехолъ.

Между тѣмъ они уже далеко поднялись по рѣкѣ. Берега ея становились все уже и уже; огромнѣйшія деревья, наклоняясь надъ ними, своими непроницаемыми сучьями давали всему видъ мрачный и угрюмый; вода казалась черною, кругомъ была совершенная тишина; голоса разговаривающихъ потеряли свою обыкновенную звучность и отдавались глухо. Малайцы сидѣли молча, изрѣдка бросали другъ на друга лукавые взгляды.

— Г. офицеръ! сказалъ рулевой: мы, кажется, ужъ далеко заѣхали; на кораблѣ не могутъ услышать нашего крика. А посмотрите на этихъ... Не вернуться ли намъ?

— Чего намъ бояться? Ихъ двое, а насъ пятеро.

Въ эту минуту лодка вдругъ сильно качнулась. Старикъ вонзилъ мечъ въ сердце офицера, а молодой малаецъ въ то же мгновеніе разсѣлъ пополамъ голову рулевому. И они оба, не успѣвъ даже крикнуть, повалились, какъ срубленные деревья.

Трое мальчиковъ, юнги, хотѣли схватиться за ружья, лежавшія на днѣ лодки; но не могли выдернуть ихъ изъ подъ ногъ молодого малайца. Въ ужасѣ они бросились въ воду, доплыли до берега и хотѣли скрыться въ лѣсу. Но дикари настигли ихъ и взяли въ плѣнъ.

Капитанъ вскорѣ узналъ объ этомъ происшествіи и раздраженный вѣроломствомъ *двухъ* островитянъ, рѣшился

жестокимъ образомъ отмстить цѣлому ихъ *племени*. Матросы свирѣпѣли и только ждали приказанія. Всѣ чело-вѣческія чувства умолкли у насъ на кораблѣ, и люди, которые до тѣхъ поръ показывали большую кротость, тутъ только и говорили объ убійствѣ. Къ стыду своему и я долженъ сознаться, что никогда прежде не бравши въ руки оружія и, питая врожденное отвращеніе къ крово-пролитію, въ это время готовъ былъ безъ всякаго состра-данія убить перваго встрѣчнаго малайца. Мы начали при-готовляться къ высадкѣ на берегъ и къ походу. Вражда у насъ усиливалась съ каждою минутой и всякій давалъ совѣты и предлагалъ планы одинъ безчеловѣчнѣе другаго. Положено было двумя путями отыскивать жилища ма-лайцевъ. Часть войска должна была пробираться вверхъ по рѣкѣ, а другая по лѣсу. Мы вышли на землю въ числѣ двухъ сотъ чело-вѣкъ и взяли съ собой двѣ пушки. Про-шедши нѣсколько по лѣсу, мы поднялись на довольно большую возвышенность, чтобы высмотрѣть, куда намъ на-добно направляться. Вдали открылись передъ нами обра-ботанныя и засѣянные поля; вокругъ нихъ въ безпорядкѣ были разбросаны хижины, въ тѣни вѣтвистыхъ широко-лиственныхъ деревъ; надъ нѣкоторыми вился сизоватый дымокъ, изгибаясь зыбкими полосами между зеленью. Жи-тели перегоняли съ мѣста на мѣсто буйволовъ и горба-тыхъ быковъ; мнѣ даже послышался отголосокъ веселой пѣсни. Все представляло картину довольства и мирнаго счастья. У меня сильно сжалось сердце и я вздохнулъ глубоко. Никто изъ французовъ этого не замѣтилъ. Ихъ

занимало одно—поскорѣй дойти до жилищъ малайцевъ и все перебить, пожечь и разорить.

Но сперва надобно было пройти черезъ густой дремучій лѣсъ. Капитанъ началъ дѣлать распоряженія. На самыхъ высокихъ деревьяхъ подѣланы были сигналы, чтобы сообщать условныя извѣстія тѣмъ, которые остались на кораблѣ и поѣхали на шлюпкахъ. Мы начали углубляться въ чащу, оставляя въ разныхъ мѣстахъ по человеку, или по два, чтобы на насъ не могли напасть съ тыла и чтобы намъ не заблудиться. Грунтъ земли становился безпрестанно все болотистѣе, деревья чаще, такъ, что мы съ трудомъ могли подвигаться впередъ, наконецъ зашли въ ужасную топь; ноги вязли выше колѣна; многіе порастеряли сапоги и шли босикомъ; пушки уходили въ грязь по самое жерло; ихъ едва можно было волочь; наконецъ мы зашли въ такую глушь, гдѣ камыши, тростникъ, вьющіяся растенія и разныя болотныя травы такъ перепутывались между собою и между деревьями, что надобно было вернуться. Сообразивъ по компасу и по другимъ примѣтамъ, гдѣ должна быть рѣка, мы пошли въ ту сторону, гдѣ, по нашимъ расчетамъ, тогда должны были находиться шлюпки. Такъ шли мы съ часъ и думали, что ошиблись въ направленіи. Вдругъ за нѣсколько сотъ шаговъ передъ нами раздался выстрѣлъ, другой, и закипѣла непрерывная ружейная пальба; потомъ грянула пушка и картечь зацѣлкала и затрещала по деревьямъ. Мы бросились къ мѣсту битвы и наткнулись на деревню. Она была окружена крѣпкимъ палисадомъ. Французы, подплывъ къ нему,